

*Не больно ли, не странно ли –
У нас России нет!..
Мы все в бездомье канули,
Где жизнь – как мутный бред,
Где – брызги дней отравленных,
Где – неумолчный стон
Нежданных, окровавленных,
Бессчётных похорон...
Упавшие стремительно
В снега чужих земель,
Мы видим, как мучительно
Заносит нас метель.*

Долго не решалась приступить к написанию статьи об Иване Ивановиче Савине (Саволайнине). Слишком пронзительным получилось знакомство с творчеством этого автора. Казалось бы, простые слова, простое изложение и события известные – Гражданская война. Уже многое прочитано, многое переосмыслено о тех трагических событиях, но книга «Плен» поражает своей искренностью и безысходным трагизмом.

Савин непосредственный участник тех событий, отсюда правдивость повествования. Всё остальное – мастерство молодого автора. Ему чуть больше двадцати, когда он напишет очерк – книгу, и слишком мало прошло времени от описываемых событий, чтобы не кровоточило днём, а ночью не мучили кошмары. Можно предположить, что желание освободиться от пережитого и выплеснулось таким творением. Но это только предположение. Все другие произведения Савина – стихи, проза, статьи, отличаются утончён-

ной простотой и индивидуальным мастерством, что и определяет литератора как настоящего писателя.

Но вернёмся к «Плену». Гражданская война Ивана Савина, по отцу Саволайнена, застала в городке Зенькове Полтавской губернии. Выбор – красные или белые перед Иваном не стоял. После получения аттестата зрелости, он «...крикнул товарищу: “Слушай, давай за Россию умрём”» и стал добровольцем уланского эскадрона 3-го сводного кавалерийского полка армии генерала Деникина. К лету 1920 года

в руках белых оставался только Крым, а после падения Перекопа одно – эвакуация. Заболевший тифом, Иван Савин эвакуироваться не смог и был взят в плен красными в джанкойском лазарете.

Книга так и начинается: «Первыми ворвались в Крым махновцы и будённовцы...». Народ, когда-то единый, ходивший в одну церковь, отмечавший одни праздники, по прихоти кучки людей поделённый на своих и чужих, всё ещё пытается сохранить что-то человеческое. «Красный офицер, изысканно одетый» говорит доктору в лазарете: «Вот здесь, папиросы, сахар и сушёные фрукты. Раздайте поровну вашим больным. Всем без исключения – и белым, и красным, и зелёным, если у вас таковые имеются. Я сам бывал в разных переделках, так что знаю... Все мы люди...». Но ужас, царящий вокруг, делящий людей только на тех, кто убивал и тех, кто убит, меняет человека. «Слишком притупились нервы в эти безысходные дни... Жизнь шла мимо них, ненужная и бесстыдная в своей звериной наготе. Не потому ли мне так упрямо, так жадно хотелось умереть?» И герой повести не одинок в этом желании. «Житель города Ставрополя Поликарп Кожухин, за последние шесть лет носивший мундир семи армий: Императорской, Красной, армии адмирала Колчака, Добровольческой – генерала Деникина, петлюровской, польской и Русской Армии – генерала Врангеля, не считая кратковременного пребывания в казачьих повстанческих отрядах и у Махно. Он был заразительно весел, уверял нас, что “жизнь есть колбаса, только надо уметь есть её с обоих концов сразу”, и бодро смотрел в будущее». Пройдя испытания Гражданской войной, он задаёт вопрос: «А жизнь на кой ляд теперь? Дешевле пупа стала». Автор восклицает: «До какого раскалённого ужаса должна была дойти жизнь, чтобы даже эта бесшабашная душа дрогнула?!».

Читать повесть, должна сказать откровенно, тяжело, и не единожды появляется желание отложить в сторону. Такое же желание возникает при чтении «Солнца мёртвых» Ивана Сергеевича Шмелёва. Но, как и «Солнце мёртвых», так и «Плен» дочитываешь до конца. Конечно же, этих двух абсолютно разных и в то же время близких по русскости авторов ни в коем случае не приравниваю и не сравниваю, говорю лишь об эмоциональном восприятии, хотя нельзя не сказать об апологии Белого движения в творчестве и того, и другого.

И.А. Бунин напишет о молодом авторе: «Савин был Белым Офицером в поэзии и Поэтом Белой Мечты в деятельности. То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе». Ещё Ивана называли «самым выразительным поэтом “Белой идеи”». Почему, оказавшись в эмиграции, Иван не перестал идеализировать белое движение? Он же понимал, что всё кончилось, и в повести «Плен» написал: «Для нас, для “врангелевцев” чистой воды, трагическое завершение Белого движения было смертельным ударом. Он убивал в тех, кто плыл в эти безысходные дни к босфорским берегам, последнюю надежду на возобновление борьбы за русскую Россию. В нас, попавших в красный плен, он убивал и эту надежду, и самую жизнь».

Любовь к «русской» России – вот что определяет и объясняет и жизненную позицию Савина, и всё его творчество. Он – пылкий влюблённый юноша:

«Услышу ль голос твой? Дождусь ли / Стоцветных искр твоих снегов? / Налью ли звончатые гусли / Волной твоих колоколов?»

Умудрённый муж:

«Рассыпав дней далёких чётки, / Свяжу ль их радостью, как встарь, / Твой блудный сын, твой инок кроткий, / Твой запечаленный звонарь?»

И предмет его обожания и преклонения – Россия. В то же время для него белое движение и «русская Россия» одно целое – «единое и неделимое». Он убеждён: Россия не может быть «русской» без «белых» воинов. Объяснение такой точки зрения можно найти в этой же повести. «Когда “белогвардейцев” били – а происходило это ежеминутно – я видел явственно в каждой судороге, в каждой капле крови избиваемого ту беспомощную мощь, ту беззащитную правду, которая электрическим током пронизывала меня каждый раз, когда надо мной поднимался красноармейский кулак или нагайка. Только тогда, в те воистину голгофские года, я почувствовал в себе, осязал и благословил камень твёрдости и веры, брошенный

мне в душу белой борьбой. Если человек несёт в себе внутреннюю правду, всякое насилие извне только усиливает её тайную сопротивляемость насилию, приближает её к святости».

Вот они – «святость» белогвардейцев, и Россия без святости априори не русская.

«Иному Богу, иной невесте / Моление будет свершено / И им не скажет никто: отвесьте / Поклон, умолкнувшим давно... / Слепое время сотрёт скрижали / Годов безумных и минут, / И в дряхлом кресле, где мы рыдали, / Другие – песни запоют».

Конечно, с этим можно соглашаться или не соглашаться, но всё творчество Савина, можно полагать, зиждется на данном воззрении. Кто-то тут же найдёт объяснения – юноша! И действительно возраст поэта соответствует мечтательному и переменчивому периоду жизни любого человека. Но в данном случае – как знать, как знать...

Да, он временно смирился с поражением белого движения, но знает: «Никакие метели не в силах/Опрокинуть трёхцветных лампад»; и его:

*Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.*

Он обращается ко всем, таким же «верным», как он, и зовёт за собой:

*Говорю Вам: крепитесь! Домой
Мы пойдём! Мы придём и увидим
Белый день. Мы полюбим, простим
Всё, что горестно мы ненавидим,
Всё, что в мёртвой улыбке храним.*

И вновь сходство с Иваном Сергеевичем Шмелёвым – «солнце мёртвых» «мёртвая улыбка», в других строчках – «мёртвое небо». Насколько же близки авторы в восприятии и определении результата произошедшей катастрофы.

Савин пишет о «мёртвой улыбке» и в прозе. А вот, например, в рассказе «Моему внуку» улыбка звучит, как «русская», но более жесткого и трагичного описания улыбки вряд ли можно найти где-либо ещё. Разумеется, можно попытаться подобрать другое определение, но, зная, кто автор, другой ассоциации почему-то не возникает.

«Когда я смотрю на карие, чёрные, синие глаза тех, кто вместе со мною стучится у чужих ворот, мне кажется, что это – карие, чёрные, синие чаши слёз. Вероятно, потому мы так осторожно, пугливо ходим – боимся пролить. Если бы нашёлся такой чудак, который устроил бы выставку русских улыбок, – произведения наших губ были бы по очень высокой цене раскуплены матерями капризных детей: этими судорожными гримасами они пугали бы шалунов так, как нас когда-то пугали бабой-ягой, а вас пугают чекой...»

Полного понимания Ивана Савина, как человека с «сердцем-ладонкой» и автора «по своей духовной и полной слиянности с Россией» без знания его личных жизненных обстоятельств невозможно.

По происхождению Савин финн. Дед его по отцу – финский моряк переселился в Россию и женился на русской гречанке. Отец – нотариус Иван Иванович Саволайнен – в одной из своих деловых поездок познакомился с помещицей – вдовой и матерью пятерых детей – Анной Михайловной Волик, только на половину русской. Её отец молдаванин из старинного рода Отян. В браке родились Иван, брат Николай и сестра Надежда. Детство детей определённо было счастливым. Спокойная провинциальная жизнь, хорошее домашнее образование. «Тихое, ласковое, незабываемое юношество». Казённые учреждения, в которых дети получали дальнейшее образование, пользовались хорошей репутацией. В одиннадцать лет Иван начал писать стихи. В пятнадцать состоялась первая публикация.

Революцию никто из большой семьи Саволайнен не принял. Кроме Ивана в Белой армии служили ещё четыре брата. Первым в феврале 1920 года пал в бою под ст. Ягорлыцкой сводный брат Борис. Родной брат Николай, которому не было и шестнадцати зарублен в бою с красными в июле этого же года под Ореховом. Два старших сводных брата – артиллеристы Михаил и Павел – расстреляны в Симферополе в ноябре 1920. Две сестры Нина и Надежда умерли от лишений в годы Гражданской войны.

*Ты кровь их соберёшь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках.
Как пулемёт на камне ждал угрюмо,
И тот, в бушлате, звонко крикнул: «Что, начнём?»,
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой стал и горло проколол гвоздём.*

*Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: «Ложись»,
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.
И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик во френче рваном,
С чернильной звёздочкой на сломанном плече
Вдруг начал петь – и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжащей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое...*

Прочитав эти строки, И.А. Бунин сказал: «Холод жуткого восторга прошёл по голове, и глаза затуманились страшными и сладостными слезами».

Два года Иван провёл в красном плену. Два года – «многочисленные особые отделы, чрезвычайные комиссии, голод, издевательства и истязания». Не расстреляли. Может и потому, что старшая сестра милосердия провожала его из лазарета в плен благословением: «Фуражку я вашу уланскую сожгла на кухне вместе с документами, а всё-таки опытный глаз сразу заметит “буржуя”». И всё же надо приложить все усилия, чтобы остаться в живых. Понимаете – все! Никому не станет легче, если погибнете и вы. Вы ещё нужны семье и, – она осторожно оглянулась кругом, – Белой России. Идите, бедный мой мальчик». И Иван «выкарабкался из “овечки” (отдел ве-че-ка)». Добраться до Петрограда ему помог простой солдат-улан. В чужом городе:

*Всё обуглил этот город и обнёс
Сетью проволок и каменных полос.
Как мне жить в пучине грозных гроз,
Мне – влюблённому в безмолвие берёз?!*

Он «до беспамятства щёлкал на пишущей машине за ржавую селёдку и фунт сырого хлеба в день» и искал отца. В 1922 году двум Иванам Саволайнен удалось получить разрешение на выезд в Финляндию – помогло происхождение отца. Он свободен, ему всего двадцать три, и он «высокий брюнет, небольшие мягкие глаза под густыми бровями. Во всей его фигуре необычайная элегантность». Впереди – целая жизнь. Но пережитое не отпускает.

*И хожу я по чёрному свету,
Никогда не бывав молодым,*

*Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.*

К и так уже непосильным испытаниям добавляется ещё одно – он узнает, что его первая любовь – Шура К., которой посвящал свои первые стихи, о которой мечтал в плену, писал из Финляндии, – предала его и его Россию, выйдя замуж за большевика. Лучшей подруги умершей сестры Надежды – Риве – 15 мая 1923 года он напишет: «Знаю, что Шура К. вышла замуж, знаю, когда и за кого. Но почему я живу ещё всё-таки – не знаю. И как можно жить с такой раной навывлет – я не знаю. Полгода тому назад, в сочельник, получил от Гриши письмо с вестью об этом. Много недель мне было просто больно дышать; теперь я боюсь ходить – всё мне кажется, что я стеклянный, что упаду и разобьюсь. Поймите, родная наша, – можно перенести смерть, гибель мечты; но если мечту, единственную, неповторную, если цель и оправдание всей жизни закопали в землю живой, предварительно изнасиловав её, – это разве перенесёшь? Если она кричит день и ночь, и знаешь, что ничем не поможешь, не разроешь гнетущую, давящую её землю».

От полученной контузии Иван начал заикаться и «потеря дара свободной речи в нём зародило и вырастило настороженное и напуганное чувство вечной неловкости. Он стал конфузлив при встречах, конфузлив в беседах, экономен в словах». Бумага становится для него главным собеседником, с ней можно говорить без стеснения. И в санатории, где лечился восемь месяцев, и работая грузчиком, сколачивая ящики на сахарном заводе, он писал о растерзанной России и «верных» сыновьях, не предавших её.

*Вся ты нынче грязная, дикая и тёмная.
Грудь твоя заплёвана. Сорван крест в толпе.
Почему ж упорно так жизнь наша бездомная
Рвётся к тебе, мечется, бредит о тебе?!*

К 1924 году он собственный корреспондент в целом ряде изданий русского зарубежья Финляндии, берлинской газеты «Руль», рижской «Сегодня», белградской «Новое время». Сотрудничает с хельсинкским ежедневником «Русские вести», иногда выходившем под названием «Новые русские вести». С 1922 по 1926 годы Савиным было опубликовано более 100 рассказов, стихов и очерков.

Савин спешит, он словно чувствует близость смерти. В «Плене» напишет: «Если у человека отняли семью, дом, а завтра возьмут жизнь, то ему уже всё равно, что делать – идти бессмысленно вперёд, бежать назад, лечь в придорожный овраг, плакать, петь. Финал один ведь – смерть!» К страданиям «правдивой и открытой

души Савина» добавляются острые приступы депрессии и физическое недомогание. Он «болел долго, болел давно, болел мучительно, не жалуясь и не ропща на безрадостность своей молодой жизни».

Но судьба временно смиростивилась над ним. На занятиях в кружке русской молодёжи в Гельсингфорсе (Хельсинки), встречает Людмилу Владимировну Соловьёву, дочь офицера 1-го Финляндского стрелкового полка. Она родилась в Финляндии, но по воспитанию и мировосприятию была русской.

Птичка кроткая и нежная, / Приголубь меня!

Слышишь – скачет жизнь мятежная / Захлестав коня.

Брызжут ветры под копытами, / Грива – в злых дождях...

Мне ли пальцами разбитыми / Сбросить цепкий страх?

Слышишь – жизнь разбойным хохотом / Режет тишь в ночи.

Я к земле придавлен грохотом, / А в земле – мечи.

Всё безумней жизнь мятежная, / Ближе храп коня...

Птичка кроткая и нежная, / Приголубь меня!

Он вновь влюблён и, наконец-то, освобождается, хотя бы от одной боли, той, которая:

Перекрестив вагоны, / Ты крикнула: «Люблю»... /

Ты крикнула: «Не надо!... / Придут – умрём вдвоём»... /

И пролитой лампадой / Погасла за холмом... /

Пять лет, пять долгих пыток / Прошло. И ты прошла.

Шура К. «прошла». Иван Савин и Людмила Соловьёва повенчались в ноябре 1924 года. Жили в маленькой, бедно обставленной комнате. «В углу, на маленьком столе, стояла пишущая машинка неизвестной марки, но, судя по клавиатуре, очень старая. Обстановка комнаты – диван и стулья, на которых лежат толстые стопки газет и книг». Семейный покой и счастье любящего и любимого человека тут же сказывается на творчестве. Не могу не привести хотя бы одно стихотворение любовной лирики. Оно завораживает, как музыка, будоражит, как морской прибой, и убеждает – автор обладатель редкого таланта.

Когда палящий день остынет / И солнце упадёт на дно, / Когда с ночного неба хлынет / Густое, лунное вино, / Я выйду к морю полночь встретить, / Бродить у смуглых берегов, / Береговые камни метить / Иероглифами стихов. / Маяк над городом усталым / Откроет круглые глаза, / Зелёный свет сбегит по скалам, / Как изумрудная слеза. / И брызнет полночь синей тишью. / И заструится млечный мост... / Я сердце маленькое

*вышью / Большими крестиками звёзд. / И, опьяненный бредом
лунным, / Её сиреневым вином, / Ударю по забытым струнам /
Забытым сердцем, как смычком...*

В 1926 году в Белграде выходит единственный прижизненный сборник стихов «Ладонка». Русская эмиграция, особенно участники Белого движения, сами пережившие все ужасы Гражданской войны в восторге от правдивого повествования. Известный в эмиграции литератор Фёдор Касаткин-Ростовский писал: «К стихам Ивана Савина надо подходить бережно. Их нельзя оценивать только с точки зрения холодной критики. Их надо почувствовать как крик сердца. В небольшой книжке, в образных и красивых стихах, вылилась душа одного из тех, кто добровольно пошёл бороться с поработителями России... Книга Савина – кредо добровольца».

Как было бы замечательно, если «вылилась душа», и прошлое отпустило. Нет. «Можно стать сумасшедшим от боли. / Но нельзя ничего забыть». «Нить» связывающая его с прошлым не обрывается. Он хочет вырваться из «мёртвого» и просит:

*Если б кто-нибудь сжал её, сузил, / Оборвал, во тьму урона, /
И в последний, терновый узел / Завязал неживого меня!*

Но ни молодость, ни любимая женщина, ни желание дождаться возвращения в русскую Россию не способны ему помочь. А тоска по утерянной Родине только усиливается:

*Заблудившись в крови, я никак не пойму,
Кто нас бросил в бездонную тьму?
И за что мы – вдали от родимой земли,
Где мятежные молнии нас оплели,
И зачем наших буйных надежд корабли
В безнадёжность плыли, уплыли?*

Вера в Бога, а Иван был глубоко верующим человеком, тоже не помогает. Слишком трепетна душа и слишком много и в короткий промежуток времени тяжелейших испытаний выпали на её долю.

«Как остро, как мучительно жадно хотели жить эти молодые, пытками затуманенные глаза, а за ними пришли», – так написал Савин в последнем очерке «Дневник» книги «Плен». А всю книгу закончил словами: «Помяни мя, Господи. Пришли».

12 июня 1927 года на двадцать восьмом году жизни после шести недель мучений русский поэт Иван Иванович Савин (Саволайн) скончался от заражения крови после неудачной операции

аппендицита. По воспоминаниям его жены последние строки, написанные слабеющей рукой, были: «Произведённый смертью в подпоручики лейб-гвардии Господнего полка».

Из письма Ивана Савина в Россию от 23 апреля 1923 года: «Пишу Вам по памяти один из стихов своих, по поводу которых один видный критик писал, что я “поразительно талантлив и, несмотря на свою молодость, владею мастерски словом”. Конечно, это очень лестно, и ещё больше укрепляет меня в мысли, что я буду когда-нибудь большим поэтом, но... для кого, опять-таки? Я совершенно безумен.

ОБРЕЧЁННОСТЬ

*Ты одна беспощадно утеряна,
Ты одна нестерпимо близка.
Долгой пыткой дорога измерена,
И в горячей крови берега.
Я закован. Всё громче и меднее,
Обречённой звенит моя боль.
Урони мне безумье последнее,
Пустотой захлебнуться позволь!
Истолённому пляской мучительной,
Дай не помнить Тебя. Отпусти!
Но бесстрастен Твой лик изумительный
На поросшем изменой пути.
Ни вернуть. Ни забыть. Ни с покорными
Славословьями пасть на копьё.
Ни молиться, чтоб трубами чёрными
Было проклято имя Твоё!*

И как бы высокопарно это ни прозвучало, на вопрос несомненно большого поэта – «Для кого?» – ответчу: «Для России и нас, живущих на этой многострадальной и благодатной земле».

Используемая литература

И. Савин. «Всех убиенных помяни, Россия...». Стихи и проза. М., «Грифон», 2007.

И. Савин «Ладонка». Белград. 1926.

И. Бунин. Памяти Ивана Савина. Последние новости. 1927.

Е. Дубровина. Рыцарь чёрного креста. Журнал «Север» № 1. 2014

П. Пильский. «Иван Савин». «Сегодня» № 155, 1927.

Ф. Касаткин-Ростовский. Стихи Ивана Савина. Возрождение. 1926.

Московская область г. Красногорск